

А.Щербаков

Моя малая родина

Александр Щербаков

Моя малая родина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Щербаков А.

Моя малая родина / А. Щербаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В книгу Александра Щербакова, коренного дальневосточника в третьем поколении, включены рассказы и очерки о жизни в далеком поселке на севере Хабаровского края в первые послевоенные годы, истории освоения этих мест в конце XIX века, о земляках, школе и людях, окружающих автора на протяжении долгих лет жизни, о современном состоянии этих поселков - Херпучи и Оглонги.

Содержание

Моя малая родина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Моя малая родина

Моим землякам посвящается

Совсем скоро, в 2020 году будет отмечаться 150-летие поселка Оглонги района имени Полины Осипенко Хабаровского края. Для некоторых городов, особенно в европейской части страны, это совсем маленький срок. А вот для Дальнего Востока это уже много. Как прошли эти годы в истории поселка – вот задача этого повествования, собранного из воспоминаний одного поколения, которое пришло к мысли поделиться этим со своими потомками, которые должны знать свою историю, историю своей малой родины, как и историю государства российского и быть патриотами своей земли.

Но рассказ об истории лишь поселка Оглонги без упоминания Херпучей был бы неполным, потому что эти два поселка неразрывно связаны между собой. Как произошло это сращивание, вы узнаете в дальнейшем. Историю поселков можно разделить на три периода – дореволюционный, при советской власти и после неё.

Своему рождению поселки обязаны благовещенскому купцу Харлампью Тетюкову который в 1869 году направил свою разведочно-поисковую партию в эти места, которая нашла золото. До этого ему невесть какими путями попали сведения, что в верховьях реки Херпучинка, притоке реки Сомня, находятся «благодатные» россыпи. Россыпи по этой речушке и ей притокам, особенно Тальмаку, оказались богатыми, хотя рядом не обнаружили ни одного питающего их рудного месторождения. Одни говорят, что само название «Херпу Чи» в переводе с китайского звучит как «Золотые россыпи». Другие считают, что так на негидальском языке называется «деревянная лопата».

Освоение России из-за огромных пространств с непроходимой тайгой, высокими горами, топкими болотами проходило по руслам многочисленных рек, которые текли в основном или на юг, или на север. И лишь река Амур текла с запада на восток. Самыми крупными притоками Амура являются следующие реки (начиная от истоков) – Буряя, Зея, Сунгари, Уссури, Амгунь. Все эти реки в конце XIX и в начале XX века были судоходные практически на всем протяжении. По этим рекам и доставлялось все необходимое – рабочая сила, некоторые строительные материалы (основным строительным материалом был лес), отдельные продукты питания, инструменты и еще многое другое.

Не было исключением и освоение территории по берегам реки Амгунь. На следующий год после открытия месторождения золота на берегах Сомнинской протоки, наиболее близкой подходящей к золотому месторождению на речке Херпучинка, высадились первые рабочие, нанятые Тетюковым. Часть из них создала и стала обустривать Резиденцию, небольшой поселок, состоящий буквально из нескольких домов, который много позже получит название Оглонги. Другие рабочие приступили к добыче золота на берегах реки Херпучинка. Золото добывалось издавна известным «мускульным» способом – то есть с помощью кайл, лопат, ведер и тачек из ям в долине речек и ручьев. Золотоносную руду размельчали и потом в потоке воды в специальных лотках промывали и получали крупинки золота, которое как самое тяжелое оседало на дне.

Так добывалось рассыпное золото, которого было вполне достаточно, чтобы оправдать средства, затраченные на эту экспедицию и обустройство поселка. Когда была сделана попытка найти рудное золото, сейчас точно никто не скажет, но в окрестностях Херпучей есть заброшенная шахта. По-видимому, здесь не обошлось без участия китайцев, которые издавна знали про золото и тоже появились в этих местах. Вполне вероятно, что и сама Резиденция создавалась на месте или рядом со стойбищем гиляков, как в то время называли представителей малочисленных народностей Севера, коренных жителей этих мест. Она появилась у подножья хребта, тянувшегося по левому берегу реки Амгуни, где даже во время высокой воды в реке

не было опасности подтоплений. А вот был ли поселок, вернее, прииск, который носил вначале название Главный Стан, и строился по обоим сторонам горного хребта, несколько вершин которого в дальнейшем получили названия Дубовка, Каланча, Конторка, история умалчивает. Отдельно строились прииски Успенский и Седьмая линия, Безымянный. Кстати, Главных Станов в тех краях в царские времена было несколько. Один из них до сих пор есть недалеко от села Керби. Были несколько Резиденций, одна из них ныне небольшое село Чля в Николаевском районе. Стала проявляться и специализация поселков. На Главном стане добывали золото, а в Резиденции занимались перевалкой и хранением грузов для нужд всех приисков. Почему я называют свою малую родину прииском? В пору моего рождения даже в паспорте родившихся в Херпучах так и писали – прииск, а не поселок.

Время в XIX веке тянулось неспешно. Постепенно увеличивалось количество приезжавших в Резиденцию. Строились все новые дома вдоль реки и уходящие вглубь тайги, в сопки. Появились первые семьи, забегали первые дети. Все как в других местах, где появлялись переселенцы из разных губерний царской России. Жизнь здесь не баловала, условия были трудные. Сильные холода и большие снега зимой, гнус летом доставляли много хлопот переселенцам. Но все компенсировали и преимущества жизни в таком отдаленном месте. В Амгуни, в её притоках и многочисленных озерах была рыба, в том числе красная. В тайге было много зверей, мясо которых было годно для приготовления пищи. Хватало и пушного зверя, который шел как на изготовление теплой зимней одежды, так и на продажу или обмен. И всяких дикоросов – грибов, ягод, полезных кореньев, было в изобилии. Достаточно жаркое лето позволяла растить в огородах самые ходовые овощи, в первую очередь картофель. Стал в хозяйствах появляться домашний скот и птица. И в этих далеких краях люди использовали достижения народной медицины, накопленные многими поколениями. Использовали всякие отвары из полезных трав, знакомых с родных мест, что-то им подсказывали аборигены – гиляки, которые тоже лечились с помощью уже местных трав. Приезжие стали покупать у гиляков и теплую одежду, пошитую из выделенных шкур зверей, теплую, легкую и удобную. И обувь, купленная у гиляков, заменяла износившиеся сапоги, привезенные издалека. А гиляки от пришлых людей стали узнавать грамоту и некоторые доступные им уклады жизни белых людей. Так и сосуществовали с пользой друг для друга представители многочисленных народностей России.

Началось и разделение труда. Кто-то добывал золото, кто-то охотился, кто-то ловил рыбу, а кто-то кормил, поил и обеспечивал одеждой всех работающих и себя тоже. Каждой категории приходилось несладко. Кустарный способ добычи золота с помощью кайл, лопат и преимущественно в воде при неизвестности, сколько можно намыть золота не прибавлял здоровья. Да и охота в дикой тайге была очень тяжелым ремеслом, как ловля рыбы во время путины. Да и работа на огороде или уход за своим скотом и птицей требовала больших усилий. Самую большую выгоду получали владельцы приисков, которые чаще всего имели все торговые точки в этих местах и устанавливали монопольно высокие цены.

На территории Приамгуны организовалось около восьми десятков приисков, первым из которых был Степано-Дмитриевско-Харлампиевский, эксплуатировавшийся до 1916 года. Большинство приисков представляли отведенный для добычи золотопромышленнику участок, рядом с которым стояло несколько домов – бараки для рабочих, складские помещения и контора для управляющих. Хозяевами приисков были благовещенские и николаевские купцы, и мещане, а так же люди из царской знати. Всего до конца XIX века в группе Херпучинских приисков было намыто четыре тонны драгоценного металла. Такая жизнь продолжалась не только до октября 1917 года, а намного дольше.

В революции и Гражданской войне жители поселков не участвовали. Не знаю, заходил ли отряд Тряпицына во время рейда из Николаевска до поселка Керби или нет, упоминаний об этом нет. Но в те годы добычу золота осуществляли лишь китайские старатели, и добытое золото уходило за кордон.

Отгремели бои Гражданской войны, и молодая Советская республика приступила к мирной жизни. Постепенно, по мере налаживания народного хозяйства, у Москвы стали доходить руки и до окраин большой по территории, но с маленьким количеством населения, периферии. Началась административная реформа. Вначале было образованы округа, а потом с целью улучшения управляемости были созданы меньшие по размерам административные единицы. В 1930 году был образован Дальневосточный край, в состав которого входили и наши поселки, которые скорее всего можно назвать в те годы селами. Несколько ранее, примерно в 1928 годах образовались прииски Кербинский, Колчанский.

В 1934 появилась Нижне-Амурская область со столицей в городе Николаевске-на-Амуре. Она вошла в состав Хабаровского края, когда Дальневосточный край в октябре 1936 года был разделен на два – Хабаровский и Приморский. В ней были образованы 6 районов, и в Нижне-амурский район вошли поселки Резиденция и Главный стан. По-видимому, именно тогда они и получили современные названия – Оглонги и Херпучи, и был образован Херпучинский сельский совет в составе двух этих поселков. Именно с этих пор Херпучи и Оглонги стали практически одним целым уже юридически. В 1943 году из состава Нижне-амурского района был выделен Тахтинский с районным центром в селе Тахта, и наши поселки вошли в состав этого района. Такое деление районов существовало до упразднения Нижне-амурской области в 1956 году. В 1963 году был упразднен Тахтинский район и Херпучинский и Удинский сельские советы вошли в состав района имени Полины Осипенко (бывший Кербинский).

В конце 20-х годов в СССР началась индустриализация. Для закупки необходимого для неё оборудования требовалась валюта. Получить её могли, продавая за границу то небольшое, что могли позволить себе – хлеб, золото, лес и пушнину. Поэтому добыча золота стала одним из приоритетных направлений в стране. Вот тогда поселки Оглонги и Херпучи получили новое развитие. Они стали очень быстро строиться и расширяться.

В 1930 году определяются промышленные запасы золота для отработки полигонов в бассейне Херпучинки двумя драгами. В августе 1930 года в Херпучах создается специализированная строительная организация «Херпучстрой», начальником назначается Никитин. С 1931 года «Херпучстрой» был выведен из подчинения Колчанскому прииску и стал самостоятельной организацией.

Хабаровский трест «Дальзолото» возложил на «Херпучстрой» обязанности по строительству двух электрических драг, электростанции, производственных и жилых зданий, социально-культурных учреждений. Для выполнения этого задания строится перевалочная база в селе Оглонги. Сюда поступали различные технические грузы, пребывали строители, специалисты-золотодобытчики. Путем оргнабора и завоза спецпереселенцев «Херпучстрой» был обеспечен рабочей силой. Для монтажа драг и электростанции прибыли специалисты с уральских приисков из треста «Миассзолото» и с ленинградского завода «Красный путиловец». Дrajные узлы и детали поступали из Ленинграда.

С начала 30-х годов стали завозиться комплектующие для больших, с ёмкостью ковша в 250 литров, драг. В 1932 году «Херпучстрой» сделал дорогу от Оглонгов до Херпучей и к строящимся драгам. Геологические партии прокладывали временные дороги к местам бурений, лесозаготовители – к местам рубки леса, старательские артели к своим участкам.

Большие трудности по доставки крупногабаритных узлов драг связаны с отсутствием автотранспорта, все грузы доставлялись с помощью конной тяги. Первые автомобили на прииске появились в 1933 году, и они были очень маломощные и с трудом преодолевали перевал между Херпучами и Оглонгами по дороге, поэтому вначале был сделан серпантин рядом с кладбищем поселка Оглонги. В это же время появились первые колесные тракторы.

Трудности строительства были преодолены и в 1933 году вступили в строй первая электрическая драга № 98 и электростанция, а в следующем году – драга № 99. Они стали работать в руслах рек Херпучинки и Верхний Хон, постепенно меняя ландшафт поселка Херпучи.

Драги были электрическими, поэтому рядом с ними стали появляться столбы с проводами. Драги работали все теплое время года круглосуточно, по три восьмичасовые смены. Скрежет ковшей о породу был слышен во всех домах поселка день и ночь. Так же круглосуточно работала электростанция в Оглонгах и гидроэлектростанция в Удинске. Вот так начиналась добыча золота в наших краях уже не кустарным, а промышленным способом и в большом количестве.

С завершением этих работ «Херпучстрой» ликвидируется и создается самостоятельное Херпучинское приисковое управление. Кроме прииска золото добывали старатели, имевшие поселки Безымянный, Успенский и Седьмая линия.

В СССР было плановая экономика, т.е. все заранее продумывалась и планировалось. Именно в недрах Госплана появилась мысль объединить в один узел несколько сел и поселков Приамгуны вокруг золотодобывающих приисков, том числе и Херпучинского, с четко продуманной организацией работы каждого. Херпучи как основного градообразующего поселка, где развивалась золотодобыча, Оглонги как базы для накопления и перевалки разнообразных грузов. Именно здесь появилась база золотопродснаба, позже получившая название отдела рабочего снабжения (ОРС), другие базы. Здесь была построена тепловая электростанция, которая должна была обеспечивать электричеством близлежащие поселки. В дополнение к ней была построена небольшая по мощности Верхнеудинская гидроэлектростанция рядом с селом Удинск на берегу Амгуни. В этом же поселке разрабатывали большие поля для выращивания картофеля и других овощей, и стали заниматься рыбной ловлей и выращиванием картофеля для обеспечения всего населения во всех этих поселках и селах.

Была продумана и система образования и медицинского обслуживания населения. В Херпучах было построено здание средней школы и при нем открыт интернат. Правда, до 1940 года она функционировала как семилетка из-за отсутствия учеников старших классов. В Удинске и Оглонгах открыты начальные школы, которые позднее были преобразованы в семилетние. Участковая больница появилась в Херпучах, фельдшерско-акушерский пункт в Оглонгах, фельдшер был в Удинске. Учителей и медработников направляли в эти учреждения после окончания институтов или училищ по распределению на 3 года минимум.

Одновременно началось строительство административных зданий и жилых домов в обоих поселках. Для строительства стали валить вековые лиственницы в окрестностях в первую очередь Оглонгов. Часть леса шла на строительство домов, часть использовалась как топливо на электростанции. Позднее, в связи с уменьшением подходящего для этих целей леса, заготовки деловой древесины стали производить в верховьях реки Верхний Хон, где этим стали заниматься заключенные специально образованного лагеря.

Стали благоустраиваться поселки, в первую очередь их центры. Особо хорошо это видно на примере центральной части Херпучей. Там в 30-е годы появились одинаковые по проекту двухквартирные дома, рядом сараи, так называемые стайки, где разводили домашний скот и птицу, одинаковые по размерам огороды с такими же одинаковыми заборами из штакетника, деревянными тротуарами вдоль прямых дорог и всегда чистыми сточными канавами по обочинам. В этих домах, как правило, жили работники управления прииском и учителя, врачи. Далее появилось много барачков с небольшими огородами рядом. Позже часть этих зданий перевезли на другие места по мере того, как к ним подходили работающие драги. Строились и одно и двух квартирные дома, особенно в районе улиц Успенская и Седьмая линия. Появились здания детского сада, почты на горе, столовой, магазинов, аптеки.

Именно тогда было выстроено красивое двухэтажное здание школы в Херпучах с высокими, не менее 4-х метров потолками, с интернатом и котельной, которая обеспечивала отопление во всем комплексе школьных зданий. Началось формирование учительского коллектива. С первых дней после образования школы в ней работала учителем Кокорина, а первым директором школы стал Коломеец. 2 года в школе проработал учителем Иван Котов, который

в 1944 году получил звание Героя Советского Союза в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

В 1940 появилось здание больницы в Херпучах – небольшой стационар на 35 коек с поликлиникой. Но потолки и в больнице были высокие, воздуха там хватало. Правда, отсутствовала территория для прогулок больных, но они находили выход – гуляли в лесу на горе, у подножья которой была построена больница. И хотя люди в основном лечились в больнице у врачей, но при некоторых заболеваниях помогали и методы народной медицины, особой популярностью пользовалась «Кустиха», пожилая женщина из многочисленной семьи Куст.

Чуть раньше, в 1939 году появились здания клуба и Нижне-Амурского горнопромышленного училища «Горпромуч», которое функционировало с 1940 по 1942 год, в учебном корпусе которого с 1944 года стал размещаться детский дом, в производственных помещениях училища – пожарная команда, а в бывшем общежитии устроили магазины.

Не менее активное строительство велось и в Оглонгах. Но там основное внимание было уделено строительству складских помещений, специального склада для хранения взрывчатых веществ, так называемого «Аммонитного», электростанции, начальной школы, магазинов и других зданий. В Оглонгах бараков было построено не так много из-за рельефа местности, в основном одно-двух квартирные дома.

В поселках было создана вся необходимая инфраструктура для функционирования прииска и жизни работающих. Были механические мастерские для ремонта, лесопилка. Магазины, почты, больница и школы, пожарная охрана, большие конюшни (так называемые конные дворы), электростанция обеспечивали все потребности.

На вершине горы в центре поселка Херпучи был организован наблюдательный пункт пожарников в виде вышки, поэтому гора получила название Каланча. В начале 50-х годов за ненадобностью пост был ликвидирован, а вышку разобрали на дрова жители поселка.

Ниже этого поста пожарной охраны тоже на небольшом возвышении в центральной части Херпучей появилось здание управления прииска, здание научно-исследовательской станции прииска. У подножья Каланчи было построено здание поселкового совета. Именно в этом месте у здания управления прииска устанавливалась трибуна, проводились манифестации трудящихся поселка и школьников в честь пролетарских праздников 7 ноября и 1 мая.

Началась Великая Отечественная война, и часть мужского населения поселков была призвана в армию. Но наиболее ценные специалисты – драгеры, ремонтники получили бронь и продолжали воевать на трудовом фронте, добывать так необходимое стране золото. По-прежнему работали все учреждения поселков, ремонтные мастерские, лесопилка. В летние месяцы по реке доставлялись разнообразные грузы, но в меньшем количестве, чем ранее. Народ голодал, но все же это было не так чувствительно, чем в европейской части страны. Выручали свои огороды, дары тайги и рек. Основной пищей населения были картофель и вареная рыба.

После войны увеличилось число сирот в детском доме, привозимых не только с Дальнего Востока, но и из других регионов страны. Но стали приезжать мужчины-фронтовики, возникали новые семьи, начался бум рождаемости, которых продолжался в 40-50-60-е годы. Именно это поколение моих земляков и общается сейчас друг с другом в разных социальных сетях.

По-прежнему самое пристальное внимание продолжалось уделяться добыче золота. Росла производительность труда, развивалось социалистическое соревнование между драгами, бригадами, вахтами. Золотодобытчики старались дать изможденной стране так необходимые стране драгоценные металлы. Но в эти послевоенные годы увеличилась и заготовка леса, которую осуществляли заключенные. Лес потом доставляли к Амгуни, делали плоты и буксиры тащили их за собой в поселок Маго недалеко от Николаевска-на-Амуре. Зимой лес стали возить на автомашинах «Студебеккер» по зимникам, проложенным по льду рек Амгунь и

Амур. А оттуда с началом навигации уже на больших морских судах-лесовозах лес везли за границу. Все это требовалось для того, чтобы получить валюту и быстрее залечить раны войны.

Снова стало расти число жителей в поселках. Часть из них были «спецпереселенцы», но уже в небольшом количестве. Часть приезжавших были скрывающиеся от правосудия люди, бывшие в годы войны или полицаями, бандеровцами или другими приспешниками фашистов, которые хотели скрыться в далеких северных поселках. Но чаще всего и до них доходили руки чекистов, и они навсегда исчезали из поселков.

Но основная масса тружеников и жителей поселков были законопослушными людьми. Некоторые как родились в них, так и ушли на погост, ни разу не увидев ни большого парохода, ни паровоза, ни самолета. Их уделом был тяжкий труд круглый год. И таких людей было большинство в первые послевоенные годы, когда страна стала подниматься из руин.

Увеличение рождаемости у людей, которые долгие годы голодали, приводили к появлению ослабленных детей. И большим благом для херпучинцев и оглонгинцев было появление в участковой больнице врача Нечаева, высококлассного специалиста. Хотя роды принимались в Херпучах и в Оглонгах акушерками, но возможность проконсультироваться по каждому тяжелому случаю помогала всем, и медицинским работникам, и детям, и их родителям. Потом долгие годы в больнице терапевтом работала Пашутова, хирургом Лактионов. Большим авторитетом у пациентов пользовалась фельдшер Калашникова.

Шли годы. Страна залечила раны, нанесенные войной, и продолжала поступательное развитие. Партия и правительство уделяло большое внимание воспитанию гармонично развитого человека патриота своей страны. Этому уделялось большое внимание на радио, в газетах. Все больше людей садилось за парты. Широкое распространение получили школы рабочей молодежи, где люди, не получившие по каким-то причинам полное среднее образование, снова садились за парты. И случалось, за одной партией сидели отец, прошедший войну, и его дочь или сын. Была такая школа и в Херпучах. Учительские коллективы были стабильными, это видно по учителям в поселках Херпучи и Оглонги.

Постепенно налаживался быт. Если до середины 50-х годов бани в поселках были частными, многие топились «по-черному», то потом в Херпучах построили поселковую баню по дороге на Успенский. Построили неудачно, в районе высоких грунтовых вод и углы фундамента то уходили в землю в летнее время, то выпирали вверх зимой при замерзании воды под землей. Потом баню построили на хороших грунтах по пути на 7-ю линию, по хорошему проекту. Было организована помывка 4 дня в неделю – четверг-пятница – женские дни, в субботу и воскресенье – мужские.

При клубе в конце 50-х годов была построена библиотека, второе двухэтажное здание поселка. У клуба была волейбольная площадка, на которой пришедшие в кино мужчины играли в волейбол. А некоторые поднимали штангу, которая обычно стояла на первом этаже библиотеки, но перед началом кино кто-то выкатывал её на улицу перед клубом.

Организовался при клубе кружок художественной самодеятельности, был очень неплохой хор, причем руководителем хора был директор клуба Кокорин, он же с палочкой стоял перед шеренгой хора и дирижировал. Помимо хора в клубе ставили спектакли, в которых играли жители поселка. С этими спектаклями даже выезжали в соседние поселки на всех видах транспорта – лошадях, машинах, пароходах и самолетах. И там артистов ждали и устраивали на ночлег по домам. В то время гостиницы были в редком населенном пункте.

Клубы в обоих поселках были не только очагами культуры, но и местом общения односельчан, наряду с банями. Звуковое кино стали показывать с 1940 года, до этого киномеханик читал текст или давал пояснения с титров в фильмах для неграмотных жителей поселков. Перед началом киносеанса в фойе клубов люди играли в шахматы, шашки, домино, общались друг с другом. Некоторые приходили в клуб задолго до начала киносеанса с целью поговорить с односельчанами, узнать сельские новости. Еще одним развлечением для взрослых был

бильярд, который был установлен на первом этаже поселковой библиотеки. Перед началом сеансов кино в клубе желающие могли помериться силами в игре в шахматы или шашки.

Многие годы в поселках лишь проводное радио, радиоприемников было очень мало. В большем количестве они стали появляться в середине 50-х годов. Жителями поселков выписывалось большое количество газет и журналов, большой популярностью пользовались местные газеты «Тихоокеанская звезда», «Молодой дальневосточник» и «Новости Приамгуны»

Клуб закупил музыкальные инструменты для духового оркестра, и набрался состав из взрослых мужчин, умеющих играть. Духовой оркестр выступал на торжественных мероприятиях в клубе, исполняя гимн Советского Союза и туш при награждении победителей социалистического соревнования, а потом играя на танцах. Но еще большей популярностью оркестр пользовался при похоронах жителей как в Херпучах, так и в Оглонгах. Потом духовой оркестр распался, инструменты передали в школу и в начале 60-х годов появился духовой оркестр, в котором играли школьники. Со временем он полностью стал повторять программу взрослого оркестра, включая участие в похоронах.

Из-за отсутствия развлечений школьники записывались в различные кружки, которые организовывались в школе. Стало больше спортивных секций для школьников в вечерние часы, с привлечением к их проведению наиболее подготовленных спортсменов из числа старшеклассников. С появлением в школьной программе в начале 60-х годов производственного обучения учеников старших классов стали учить – девочек швейному делу, мальчиков – рабочим специальностям токаря, механика, радиооператора.

Сокращался рабочий день при увеличении заработной платы. Жители наших поселков стали получать льготы, положенные северянам – районный коэффициент и надбавки за проживание в северных районах. Раз в три года любой работающий в наших поселках мог бесплатно поехать в любую часть нашей необъятной страны. Улучшалось снабжение, передовики производства могли купить дефицитные товары. В число их входили мебель, радиоприемники, ковры и транспортные средства – мотоциклы и автомобили. Существовали очереди в трудовых коллективах на покупку этих дефицитных товаров. Мотоциклы были у многих работников прииска. Они были наиболее удобным видом транспорта в сельской местности. Проходимые, выносливые и ремонтно-пригодные в любых условиях. Первый автомобиль «Москвич-401» за 9 тысяч рублей купили директор прииска Хлебников и инженер прииска Степанцов. Потом последний продал его инженеру Головину и купил уже за 15 тысяч «Москвич-403». Автомобиль «Победа» был куплен Воробьевым. За него он заплатил 25 тысяч рублей. Все эти покупки были в начале 60-х годов.

Добыча драгоценного металла проводится только в теплое время года, поэтому все занятые в производстве специалисты не могут уйти в отпуска в летнее время. И доставка грузов на базы в Оглонгах проводилась в период навигации, когда до минимума сокращалось количество отпускников. Поэтому некоторые энтузиасты из числа учителей школ по своей инициативе стали возить детей работников прииска на экскурсии в другие города, в частности в столицу Нижне-Амурской области город Николаевск. В Херпучах этим занималась учительница Пономарева. А учитель Оглонгинской школы Грибанов водил ребят и девчат в длительные походы по родному краю, проводя с ними еще одну школу – школу «выживания» в условиях тайги.

Большое внимание уделялось физической подготовке людей, особенно школьников. Комплексы БГТО, ГТО разных степеней развивали здоровое соперничество среди школьников и молодежи. Все с гордостью носили на верхней одежде эти значки. Но помимо выполнения нормативов этих комплексов ребята и взрослые с большой пользой проводили время на воздухе. В Херпучах с появлением просохшего от растаявшего снега места на горе Каланча начала играть в лапту молодежь и взрослые. Потом, когда высохла центральная улица поселка, игра перемещалась туда. Улетевший в чей-то огород мяч просили достать хозяев, чтобы не мять посадки.

А малышня играла в «Чижик-пыжик» и «Попа-гоняла». Иногда на 400-500 метров угоняли битами палочку и потом бегом все возвращались к исходной лунке с битами наперевес. Прибежавший последним проигрывал. Большой популярностью в начале 50-х годов пользовались городки, в них в основном играли взрослые мужчины. Молодежь и школьники обоих поселков много играли в волейбол, в Оглонгах в футбол. В Херпучах просто не было места играть в него, ведь все пространство вокруг поселка было перекопано драгами и представляло собой отвалы камней и котлованы с мутной водой.

Способствовало хорошему физическому состоянию детей и молодежи прогулки в лес за ягодами, грибами и другими дикоросами. Многие увлекались рыбалкой, а в котлованах ловили раков и варили их на кострах. Ребята постарше и мужчины ходили на охоту. Купались херпучинцы обычно в котлованах с мутной водой, которая лучше прогревалась, чем в речках, которые текли у поселка. А вот оглонгинцы купались в Амгуни или на озере в пойме реки.

Огромную роль в привлечении к спорту подрастающего поколения играли родители и учителя физкультуры. В Херпучах это был Мизиш, который вел все уроки физкультуры во всех классах с 5 по 11. Огромная нагрузка. А по вечерам он вел и спортивные секции. До начала 60-х годов в Херпучинской школе не было спортзала, физкультура проводилась в актовом зале, а за стеной были два класса, которые слышали весь топот десятков ног. Потом, после того, как детский дом был закрыт, интернат был переведен в здание бывшего детского дома. В бывшем здании интерната сделали несколько помещений для занятий по труду (слесарная и столярная мастерские, пошивочная, класс для подготовки водителей и еще один класс по радиodelу) и в освободившемся здании слесарной мастерской сделали спортзал. Небольшой, примерно 20 на 7 метров, с потолком 310 см он не очень подходил под спортзал, но другого здания в поселке просто не было. С получением это спортзала количество спортивных секций увеличилось.

А вот учитель физкультуры в Оглонгах Грибанов был большим любителем пешего туризма и привлек к нему многих учащихся своей школы. Ребята даже выиграли краевое заочное соревнование и в качестве награды несколько человек направили в Москву познакомиться со столицей. Отсутствие своего спортивного зала в школе заставляло проводить большое количество уроков физкультуры на улице, в том числе бегая на лыжах. Поэтому старшеклассники из Оглонгов часто побеждали на школьных и потом на районных соревнованиях по лыжным гонкам.

Наши поселки северные, зима в них долгая и снежная. Поэтому сама природа заставляла многих ребят и девочек заниматься лыжным спортом. И у них неплохо получалось. Хорошо выступали ребята на районных соревнованиях и в Тахтинском районе, а потом на областных соревнованиях школьников в Николаевске. После реорганизации районов в начале 1963 года поселки перешли под юрисдикцию района имени Полины Осипенко. Но победные традиции школьников из Херпучинской школы продолжились.

Район имени Полины Осипенко образован в 1926 году, до 1939 года назывался Кербинским, переименован в честь летчицы Героя Советского Союза Полины Осипенко. Имеет площадь 34,6 тыс. кв. км, это больше площади Бельгии и чуть меньше площади Швейцарии. В середине 50-х годов население района составляло около 13 тысяч человек, но потом много «спецпереселенцев», особенно из западных районов РСФСР и Украины уехали в родные края.

За годы советской власти значительно улучшилось транспортное обеспечение поселков. На смену колесному пароходу дореволюционной постройки «Комиссару», курсировавшему по Амгуни с начала 30-х годов в середине 50-х пришли более быстрые, комфортабельные и имеющие меньшую осадку теплоходы «Яхонт» и ОМ-5, что позволяла совершать рейсы даже при невысоком уровне воды в реке. С середины 50-х годов стали совершать регулярные полеты из Николаевска-на-Амуре самолеты Як-12, бравшие на борт 3-х пассажиров, и знаменитые «кукурузники», самолеты-бипланы Ан-2, бравшие на борт от 8 до 12 пассажиров. Чуть позднее

была открыта трасса Хабаровск-Херпучи с посадками в Комсомольске и Полине Осипенко. Стоимость пролета из Херпучей до Николаевска составляла 4 рубля, до Хабаровска 16 рублей, что при средней заработной плате в поселках в пределах 300 рублей было недорогим. Использование авиации для доставки почты позволило значительно сократить время доставки корреспонденции. Письмо «Авиа» из Москвы до Херпучей доставлялось в пределах недели, как и центральные газеты.

Постепенно в огородах людей стала появляться смородина, что явилось добавкой к растущим в лесах ягодам жимолости, голубики и брусники. В лесах по-прежнему было много разнообразных грибов. Особой популярностью пользовались осенние грибы маслята и грузди. Ондатры, в те года не пользовавшиеся большой популярностью, были почти в каждом котловане вокруг Херпучей, и иногда мальчишки устраивали на них охоту. В тех же котлованах водились раки, а в реках разнообразная рыба и приходившая на нерест кета и горбуша.

Большой популярностью стала пользоваться зимняя рыбалка на щуку. Если оглонгинцам не надо было далеко добираться, они жили на реке, то для желающих поехать на рыбалку в выходные дни херпучинцам организовывались выезды автобуса за счет средств профсоюза. Редко кто из рыбаков не привозил домой по 2-3 мешка замороженной щуки, из которой женщины делали классные котлеты, добавляя в фарш свиное сало.

Практически обеспечивались поселки своим картофелем. Помогать убирать его направлялись ученики старших классов обоих школ. Их возили на поля в Удинске и Князево, где основная масса проживающих в сентябре занималась выловом осенней кеты для тех же тружеников прииска.

Почти все мальчишки имели велосипеды, все чаще можно было услышать работу двигателей мотоциклов. Регулярно люди уходили в отпуск и уезжали в более теплые края с детьми. Организованному отдыху детей стали уделять большое внимание, для них организовывались пионерлагеря в Удинске и других поселках нижнего Амура, в частности в Орель-Чля на берегу живописного озера с одноименным названием.

Расширялся ассортимент снастей для рыбалки и оружия для охоты. Это позволяло увеличивать вылов рыбы и отстрел дичи в лесах и тем самым питание жителей наших поселков стало более сбалансированным. Вместе с тем вред экологии, наносимый деятельностью человека, сказался на количестве рыбы в реках Амура, в частности кеты и горбуши. Стали вводиться ограничения на вылов рыбы населению, а затем и полный её запрет. Это привело к развитию браконьерства и гибели в холодных водах Амгуни и её притоков немалого числа людей, промысляющих незаконным выловом красной рыбы в осенний период.

А конце 50-х годов в связи с сокращением запасов деловой древесины в окрестностях поселков и необходимости использовать её для строительных целей электростанция была переведена на уголь, который стал завозиться баржами в летнюю навигацию, и накапливался для производства электроэнергии на весь остальной период года.

Прииск стал больше внимания уделять подготовке инженеров из числа выпускников Херпучинской школы, отслуживших в армии. Их стали посылать на учебу в ВУЗы по профилю за счет средств прииска. И затем эти молодые специалисты были обязаны определенное время отработать на прииске, а многие оставались в нем навсегда, создавая новые семьи. Росла численность населения в обоих поселках, в годы наибольшего расцвета она превышала в Херпучах две тысячи человек, в Оглонгах была больше полутора тысяч.

Теперь я хочу написать о том, каким мне запомнился родной поселок. И начну описание примерно так, как мог его увидеть приехавший в наши края человек. Добраться в то время, в конце 40-х и начале 50-х можно было только на пароходе «Комиссар» и или на попутном катере. Пароход шел вверх по реке Амгуни, останавливаясь у немногочисленных поселков.

Одним из таких пунктов и была Резиденция, стоящая на одной из протоков Амгуни. И если в нижнем течении Амгунь протекала в основном среди равнинной местности, то выше по

течению реки уже начались сопки и на левом берегу реки у подножия сопки в 1870 году был заложен поселок Резиденция. От Резиденции до Главного Стана уже в 30-е годы XX века была проложена довольно хорошая дорога длиной 8 км. Шла она через невысокий хребет. В те годы поселки уже носили современные названия, но старожилы называли их по-прежнему.

В 50-е между поселками началось автобусное сообщение. В пору моего детства это был переделанный из автомобиля ЗИС-5 автобус, практически не отапливающийся. Автобус шел примерно 20-25 минут, так что замерзнуть было невозможно, тем более в теплой одежде и валенках. Доставка людей и грузов в основном проводилась только летом, по реке на парходах, а по суше на лошадях, а в более поздние годы на автомашинах.

А вот в самом начале 50-х годов автобусного сообщения между Херпучами и Оглонгами не существовало. К приходу пархода «Комиссар» выходило несколько семей отпускников. Запрягалась школьная лошадь, на телегу складывали вещи и усаживали маленьких детей, а взрослые шли пешком все 8 км от одного поселка до другого. Помню одну поездку на барже с сеном, которую тащил на буксире катер. В тот год Амгунь обмелела, и парход не мог пройти через перекаты на реке без риска повредить днище. Вот и пришлось добираться на барже, которую тащил за собой катер. В конце 50-х на смену «Комиссару» пришли теплоходы «Яхонт» и ОМ-5, более скоростные и имеющие меньшую осадку, но и они не всегда могли совершать свои рейсы.

Примерно в те же годы жители поселков увидели самолеты Як-12 и Ан-2, прилетавшие из Николаевска, а потом до Хабаровска на самолете Ан-2 можно было долететь с посадками в селе Полины Осипенко и в Комсомольске. И с полетами на самолете не всегда было гладко. Билеты заранее не продавали, сколько будет пассажиров, никто не знал, и прилетит ли самолет, тоже не знали до тех пор, пока самолет не появлялся в поле видимости да еще чтобы ветер не был боковой, тогда самолет мог сесть. Так что все желающие улететь в день отлета шли в аэропорт с утра, и ждали полдня самолет. И иногда напрасно. Самолет мог долететь лишь до Комсомольска или Полины Осипенко и там по метеоусловиям остановиться на ночь. Проще было летать в Николаевск, но там надо было покупать билет на другой рейс до Хабаровска. В общем, в самом лучшем случае добирались до Хабаровска в течение светового дня. Мне запомнился один полет до Николаевска перед Новым, 1965 годом.

Я впервые захотел встретить Новый год в Хабаровске, и 30 декабря пришел в аэропорт. Пуржило, рейса из Хабаровска, а значит и рейса обратно до Хабаровска не ожидалось по метеоусловиям. Прилетел самолет ЯК-12 из Николаевска, и летчик хотел обязательно улететь обратно, чтобы не застрять в Херпучах на Новый год. Желающих лететь в такую погоду (была метель, ветер), кроме меня, не было. И вот мы полетели вдвоем с летчиком. Пока летели над горами, ориентируясь лишь по компасу, уверенности, что не заблудимся, не было. И лишь когда увидели русло широкой реки Амур, поняли, что шансы долететь есть. Но самолет бросало как пушинку. В самолете ЯК-12 кабина по размерам как в автомобиле, один пассажир сидит рядом с летчиком, два человека сзади и за последним рядом кресел было место для багажа. Вот на этом самолете я и долетал не без приключений до Николаевска. А потом уже на большом самолете ИЛ-14 в этот же день вечером я добрался до Хабаровска, когда меня там уже не ждали.

Что мог увидеть приехавший на парходе человек? Поселок, вытянувшийся вдоль реки с отдельными улицами, уходящими вверх по сопкам, у подножья которых и находился поселок. Это были обычные деревянные дома и дороги, в основном на скалистой породе, поэтому в распутицу не очень грязные и вполне проходимые.

Херпучинцы называли реку Сомня, а оглонгинцы правильно – Сомнинская протока реки Амгунь. Это был один из рукавов Амгуни, в который выше поселка и впадала речка Сомня. С

одной стороны поселка череда гор, а с другой река и её пойма с несколькими озерами. Пойма в период высокой воды в Амуре затапливалась, и земледелие на ней было весьма рискованным.

На реке была и Нижняя пашня, там называлась часть поселка, несколько оторванная от остальных домов, расположенная ниже по течению. Думаю, оглонгинские земляки смогут объяснить происхождение этого названия, я не знаю. Но помню его, так как иногда пароход или баржа приставали именно там из-за низкого уровня воды в реке и приходилось идти лишние километры. Поселок, вытянувшийся вдоль реки, естественно был очень протяженным, не менее 2-х километров. И эта улица вдоль реки считалась самой главной.

По реке доставлялось практически все для функционирования поселков в долгие зимние месяцы. Существовал термин «северный завоз», когда железнодорожным транспортом почти весь год доставлялись нужные для северных районов грузы в Хабаровск и Комсомольск. Потом в летнюю навигацию буксирами, самоходками и катерами с баржами на буксире этот груз развозили по населенным пунктам, расположенным вдоль рек Амурского бассейна и на побережье Охотского моря и Татарского пролива. Задача перед работниками многочисленных баз в Оглонгах была очень важная – быстрее разгрузить баржи и отправить их за новой партией груза для поселков. Это были самые напряженные дни во время навигации.

Из Оглонгов дорога вела в Херпучи через невысокий перевал между довольно высокими сопками. И с перевала открывался вид на панораму нашего поселка, где в далеком 1947 году я появился на свет в родильном зале местной больницы.

Поселок Херпучи располагались почти в центре котловины между горами. Протекали небольшие речки, которые лишь весной при таянии снегов были полноводными. Одна, давшая название поселку, называлась Херпучинка, другая Ё-мое.. И лишь недавно я узнал, что эта речка называлась Верхний Хон. Херпучинка была нерестовой, летом и осенью туда заходили косяки красной рыбы – горбуши, летней и осенней кеты. В окружающих лесах было много ягод – жимолости, голубицы, брусники, грибов – маслят, груздей. Естественно, было много животных – изюбря, кабана, встречался медведь. В реках было много ондатры, которую мы сами ловили мальчишками. Тогда еще не было моды на ондатровые шапки, поэтому эти животные не ценились. Профессиональные охотники заготавливали много пушного зверя – норки, соболя и других ценных зверюшек. Один из моих одноклассников стал профессиональным охотником и очень неплохо жил. Жил бы лучше, если бы не пил. Вообще за счет природных ресурсов и натурального хозяйства – огородов, домашнего скота и птицы, можно было вполне сносно жить. Но для этого надо было много и тяжело трудиться.

Мне запомнились очень сильные, до 55 градусов морозы в Херпучах, расположенных в котловине между гор. В Оглонгах было теплее, температура на 2-3 градуса была выше. Но ночи летом были прохладными и никак не душными, как, например, в Хабаровске в июле. Очень редки были в поселке ветры. Зимой от мороза по утрам стоял туман, когда он рассеивался, дым из печных труб поднимался вертикально вверх. Запоминающееся зрелище.

Херпучинский прииск был самым крупным в объединении «Приморзолото». Вся жизнь населения поселка была направлена на обеспечение всем необходимым работы драг и гидравлик прииска. Я с малых лет видел драги, которые своими ковшами загребали в свое нутро землю вокруг поселка, оставляя за собой отвалы камней и котлованы с мутной водой. Они двигались по берегам речки Херпучинки, которая текла почти в центре поселка. Поэтому отвалы и котлованы разделяли поселок на несколько частей. Около поселка в мои юные годы работали 2 драги, одну из которых потом переместили на Бриаканский прииск. А на вновь открытом месторождении вдали от поселка собрали еще 3 драги, но меньших размеров. Потом, в начале 60-х годов, появились в отдалении от поселка гидравлики, которые своими мощными водометами размывали породу и затем на специальных устройствах извлекали из этой смеси

воды и породы золото. К сожалению, с появлением гидравлик в нерестовых реках пропала красная рыба (кета, горбуша). Дело в том, что для извлечения золота используется ртуть, которая потом попадает в ручейки, а затем и в речки. А это губительно действует на молодь рыбы, которая приходит на нерест в речки, в том числе и в Херпучинку. Но в те годы никто не думал ни о какой экологии. Главным была добыча золота для страны, что бы это не стоило. Как я потом позже вычитал, в отдельные дни прииск добывал до 18 кг золота. Драги и гидравлики работали только в теплый период, когда таял лед. Но работали круглые сутки, три восьмичасовые смены. Ночью, когда драга была рядом с нашим домом, было слышно, как она работает, как движутся ковши по бесконечной ленте конвейера. Зимой драги ремонтировали, драгеры ходили в отпуск. Как правило, профсоюз давал путевки, раз в три года был бесплатный проезд до места отдыха. Зимой же многих работников драг, не занятых в их ремонте, направляли на заготовку дров, которые были нужны не только для электростанции, но и отопления домов в поселке.

Самыми большими коллективами в поселках были коллективы приискового управления, школы, больницы, ОРСа. Главным человеком считался директор прииска. Я помню фамилию директора – Хлебников. Именно в его руках были все возможности что-то сделать для любого человека в поселке. О том, что в поселке была советская власть в лице председателя сельсовета, я узнал, лишь когда стал учиться в институте. Сельсовет находился в небольшом домике, имел 3 ли 4 сотрудника и не играл никакой роли в поселке. Лучше знали секретаря парткома или председателя профкома прииска, чем председателя сельсовета.

При Хлебникове главным инженером прииска был Калашников, очень представительный и красивый мужчина. Его жена Татьяна Васильевна была фельдшером в больнице и практически моим лечащим врачом. У них был сын Лева, года на 2 старше меня, очень красивый мальчик. А дочь Ольга была года на 2 младше меня. Помню, она была невысокая ростом, симпатичная, с вздернутым носиком и чуть раскосыми глазами, очень бойкая и активная в общественной жизни. В начале 60-х годов они уехали, и главным инженером стал Нестеров Борис Николаевич. Через пару лет, после перевода на другую работу Хлебникова Нестеров стал директором прииска. Его жена Елена Николаевна была учителем и поэтому она оказалась с мужем в компании учителей, в которой были и мои родители. Эта компания все праздники встречали вместе, после застолья очень хорошо пели. Нестеров впоследствии был назначен генеральным директором объединения «Приморзолото», но проработал там не очень долго. У Нестеровых были дети. Сын Лёня был на 1 год младше меня. У него первого на прииске появился переносной радиоприемник «Спидола» рижского завода ВЭФ. Это в то время было очень круто.

Семья начальника планового отдела прииска Еремина была нашим соседом, их огород и наш разделял лишь забор. Семья была большая, 4 детей, правда, разница в возрасте между старшим и младшим ребенком была почти 10 лет. Муж, имя и отчество которого я не помню, был заядлый рыбак. По его инициативе по воскресеньям выделялся автобус для поездки на речку Амгунь на подледный лов щуки. Привозили по мешку-два рыбы. Обычно соседи давали нам несколько больших рыббин, из которых мама делала очень вкусные котлеты. Жена Еремина Варвара Селиверстовна была домохозяйкой. Старший сын Анатолий после окончания института работал инженером, а потом секретарем парткома прииска. Буквально накануне распада СССР стал директором прииска, но спасти государственное предприятие от банкротства было уже невозможно. Второй ребенок Валентина была года на 2 младше брата, после окончания института осталась работать в Хабаровске. Следующая дочь Антонина была на 2 года старше меня, и после окончания школы поступила в Хабаровский медицинский институт. После окончания института она поехала работать на Сахалин, вышла замуж за стоматолога. Об этом я узнал через много лет, когда случайно встретился с младшим сыном Ереминых Колей. Он занимался бизнесом в Николаевском район, и был женат на моей однокурснице.

Теперь хочу рассказать о Херпучинской участковой больнице. Мне и многим моим погодкам очень повезло, что в годы нашего рождения в больнице работал замечательный врач, мастер на все руки Нечаев. Я, как и многие мои сверстники в послевоенные годы рождались с дефицитом веса, и могли запросто умереть в младенчестве, но благодаря усилиям медицинских работников и заботам родителей остались живы. Этого врача очень уважали в наших поселках. К сожалению, он преждевременно ушел из жизни. Его могила почти в центре поселка, на горе, связывающей Каланчу и Дубовку. Там три могилы, две я не знаю, кому принадлежат, а вот самая ухоженная – любимому врачу Нечаеву. Я не знал Нечева, вернее, был маленький и не запомнил его. Но вот мои родители рассказывали, что он был очень оригинальный человек. Когда заходил к кому-то в дом, кланялся и говорил: «От лица до яйца низко кланяюсь вам».

И потом много хороших врачей работало в больнице. Больше других запомнились врач-терапевт Пашутова Мария Михайловна, Татьяна Васильевна Калашникова была фельдшером, но её знаниям и опыту, умению убедить пациента в назначенном лечении могли позавидовать многие врачи. Помню еще зубного врача по фамилии Макарова, которая панически боялась рвать зубы, лечила уже тогда, когда от зуба оставались одни корни. Как-то приехал из Николаевска врач-стоматолог-ортопед, и стал вырывать всем эти корни, чтобы можно было начать протезировать. И многие мужики ходили после удаления сразу три-четыре зуба. Вот эти врачи мне запомнились больше всего из того периода жизни в поселке.

Когда я был маленький, в поселке был детский дом, где жили сироты разного возраста. Занимал он довольно большой дом и имел еще различные подсобные помещения вне этого дома. Потом в это здание переехал интернат, а в прежнем здании интерната были сделаны хорошие мастерские для производственного обучения учащихся. Там были сделаны слесарная и столярная мастерские, установлены швейные машинки, оборудован радиокласс. Там я с 9 по 11 класс проходил обучение радиodelу и получил удостоверение радиооператора 3 класса.

Учительский коллектив в школе был больше 25 человек и, как немногочисленные инженеры прииска и врачи участковой больницы, относился к элите поселка. В большинстве своем учителя пользовались авторитетом в поселке. Они жили в служебных квартирах недалеко от школы. Наша семья прожила с 1943 года по 1977 год в доме рядом со школой. В первом от школы доме жил директор прииска и начальник планового отдела прииска. А вот в следующих по улице домах жили в основном учителя. Около домов были небольшие огороды, где в основном сажали только картошку и некоторые овощи – лук, морковь, горох и что-то еще. Первые кусты смородины появились в начале 60-х годов.

В некоторых огородах были стайки (так почему-то назывались помещения для коров, кур, свиней). Рядом с этими стайками были туалеты с глубокими выгребными ямами. Так что до туалета было метров 40-45, и зимой дойти туда без валенок было невозможно. Рядом с туалетом была помойка, которая зимой превращалась в небольшую горку и лишь весной вместе со снегом растаивала. Около заборов обычно были штабеля дров. Учителям дрова доставлялись бесплатно, так что в нашей семье на 2-х учителей приходилось примерно 2 машины дров год. У окна в нашем огороде росло большое дерево черемухи, которая очень красиво цвела, а осенью покрывалась иссиня-черными ягодами. На улице Центральной, где мы жили, и идущей параллельно улице Школьной были аккуратные домики, ровный штакетник заборов, деревянные тротуары, ухоженная дорога и канава по обочине. К каждой квартире через канаву переброшен мосток. По деревянным тротуарам в самую слякоть можно было пройти, не замочив обувь.

Центральная часть поселка была расположена на возвышении, через поселок, разделяющий его на две части, проходил невысокий горный кряж, который затем возвышался и за поселком превращался в обычную гору. Эта гора называлась Дубовка, потому что там росли редкие в нашей местности дубы. До 60-х годов названий улиц у поселка не было, потом они появились и с очень неприятными наименованиями. Улицу, где жили мы, назвали Центральной, параллельную с нашей – Школьная. Была еще Клубная, Седьмая Линия, Успенская,

Транспортная. Недалеко от школы был самый большой магазин, имеющий три отдела – продовольственный, промтоварный и хлебный. Вот здесь и прошло мое детство и отрочество.

Помимо школы, самый посещаемым в те годы зданием был клуб имени Жданова. В зрительном зале необычно было видеть оркестровую яму перед сценой, как в каком-нибудь театре оперетты. Когда играл в школьном духовом оркестре, мы во время торжественных праздничных мероприятий сидели в ней и играли гимн Советского Союза, туш при вручении наград, а после торжественной части играли на танцах. В младших классах нам разрешалось ходить в кино только на 12-ти часовые сеансы в воскресенье, а вот старшеклассники ходили три раза в неделю – в среду, субботу и воскресенье на 19-ти часовой сеанс. В клубе меня учил азам поднятия штанги Юра Асанов, который научился этому в армии, и по его инициативе был куплен этот спортивный снаряд.

И, по-моему, третьим по частоте местом постоянных посещений моих земляков была гора Каланча, где все старались сфотографироваться, посмотреть на панораму поселка, а зимой прокатиться на санках или на лыжах. И чуть менее посещаемым местом была Дубовка, место свиданий всех влюбленных в поселке. Особенно красивой эта сопка была в конце мая – начале июня, когда стояла вся в цветах багульника на фоне зеленых иголок молодых лиственниц.

С тех пор прошло много лет. Я закончил школу в 1965 году, потом приезжал к родителям на каникулах, в 1977 году привез всю свою семью – жену и трех детей – на свою малую родину. В этот год мои родители проводили в Херпучах последнее лето, и к ним в гости приехали моя семья, мой младший брат Витя и Агния Иннокентьевна Кокорина, наша многолетняя соседка, ставшая за эти годы нам родным человеком. А последний раз я был в Херпучах в 1994 году, приезжая сюда в командировку уже как краевой чиновник.

В 1988 году снесли здание старой школы и на его месте построили новое, по типовому современному проекту, без высоченных потолков и огромных классов, хоть и двухэтажное, но значительно уступающее по высоте и оригинальности зданию старой школы. Перестроили и окружающую школу территорию. Еще раньше построили новое здание больницы, на окраине поселка в лиственном лесу с хорошей территорией для прогулок больных и многочисленными подсобными помещениями. А в освободившемся здании больницы разместилось управление прииска.

С развалом Советского Союза пришли другие времена и в далекие поселки на севере Хабаровского края. Цена на золото на мировых рынках искусственно снижалась, добыча драгоценных металлов стала нерентабельной. Дикая инфляция в России и кризис неплатежей приводили к тому, что за сданное государству золото с прииском расплачивались через несколько месяцев и даже год, когда полновесные рубли превращались в жалкие копейки. А часто расплачивались по бартеру. Зарплату людям платили расческами, пластмассовыми тазиками и прочим ширпотребом. Объединение «Приморзолото» развалилось на отдельные артели и госпредприятия. Первые выкручивались, как могли, вторые начали погибать. Драги пилили на металл. Со многими людьми не расплатились вовсе, «простив» им годовую заплату.

Признаюсь, я не узнал поселка при последнем посещении, он сильно изменился. Некоторые дома были снесены, другие построены. Меня разместили в гостинице, которая была недалеко от школы, на месте школьных мастерских. Сама школа была перестроена за это время и на меня не произвела никакого впечатления. Это была уже не моя родная школа, а какая-то другая. И хотя некоторые учителя еще продолжали работать в ней, но основной костяк уже сменился. Так что я зашел в совершенно чужое здание, и это посещение никаких душевных чувств не затронуло. Так же в новое помещение перешла и больница, такая же совершенно чужая, хотя больница на 50 коек была расположена в красивом лиственном лесу, имела неплохую территорию, где могли гулять больные. Оснащена она по нормативам того времени, ничего особенно не было. Врачи были мне незнакомые, в основном молодые – терапевт, педиатр, гинеколог, он

же главный врач. Хирурга в больнице не было, в случае необходимости хирургического вмешательства везли на самолете в Николаевск или в районную больницу Полины Осипенко.

Я после работы походил по поселку, встретил кое-каких знакомых, навестил оставшихся в поселке учителей. Вспомнили моих родителей, посетовали о преждевременной смерти моего отца. Поднялся на гору Дубовка, тропинки на которой показались мне какими-то узкими. Съездил в поселок Оглонги, который тоже изменился. Здание восьмилетней школы, в которой 15 лет директором работал мой отец, передали какой-то организации. Саму школу закрыли, не было нужного количества учеников в поселке. Так что о последнем посещении своей малой родины у меня осталось тягостное ощущение. То чувство тоски, которое навалилось на меня в Херпучах, отпустило только тогда, когда я прилетел в поселок Полины Осипенко.

Сейчас, когда я смотрю на фотографии, которые делают мои земляки при попадании в родные места, мне становится также тоскливо, как при последнем посещении Херпучей и Оглонгов. Упадок во всем. Многие дома снесены или просто разрушены. Нет деревянных тротуаров на улицах поселка. Вместо красавицы школы с высоченными потолками обычная двухэтажная школа какого-то барачного типа. Знаменитая гора Каланча стала намного ниже. Лес подступил к поселкам, привычные тропинки заросли и стали очень узкими. Практически не функционирует аэропорт, а от драг остались одни остовы.

И сейчас оба поселка постепенно умирают, и эта участь большинства населенных пунктов, основным занятием жителей которых была добыча полезных ископаемых. Исчезли с карты поселок Колчан в Николаевском районе, меньше сотни человек осталось жить в деревне Чля, бывшей Резиденции. Поселки Орель-Чля, Агние-Афанасьевск, Октябрьский и многие другие только на территории нижнего Амура повторили их судьбу. Численность населения в Херпучах и Оглонгах сократилась в три раза по сравнению с годами расцвета. Закрылись школы в Оглонгах и Удинске, и дети с малых лет вынуждены жить в интернатах. Многие дома сгнили, были разобраны на дрова. На моей родной улице из пяти домов на нашей стороне улицы остался только наш дом, с заколоченными окнами. От былых поселков остались только названия. И люди, которые здесь родились, и, несмотря на все трудности, продолжают жить в них.

В настоящее время поселки выглядят убогими. Многие тонны добытого здесь драгоценного металла не принесли им достойного благополучия. Нет здесь ни добротных кирпичных зданий, ни асфальтированных дорог. В магазинах как было бедно с выбором товаров в советские времена, так и осталось в нынешние «демократические». Магазины небольшие и обычно состоят из двух комнат: в одной выставлены товары, в другой продавцы пьют чай в ожидании редких покупателей. Местные жители говорят про свои магазины, что «что цены у нас страшные». Практически прекратилось авиационное сообщение, один рейс в неделю небольшого самолета из Хабаровска через Николаевск не решает проблему. Частники, наладившие автобусное сообщение через Албазино, дерут «три шкуры» за билеты. Проезд по разбитым дорогам доступен только крепким людям, прочим всю душу вытрясет. Давно сгорело здание клуба со всем находившимся в нем имуществом и реквизитом. И клуб открыли в здании бывшей бани, совершенно не приспособленном для учреждения культуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.